

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

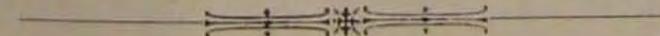
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Прѣдсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

1894.

Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ женщинъ въ Сибири и Средней Азии.

Актъ, имѣющій для каждой женщины серьезное значеніе, и нерѣдко составляющій для жизни ея критическій моментъ, актъ, непосредственно предшествующій и сопровождающій появленіе новой особи, нового человѣка,—актъ этотъ, роды, при всемъ различіи обстановки, обрѣдности и положенія роженицы, при которыхъ они происходятъ у женщинъ Сибирскихъ инородцевъ, все-таки отличаются одной общей для нихъ всѣхъ особенностью—а именно легкостью. Эта особенность родового акта у сибирскихъ инородческихъ женщинъ отмѣчена всѣми наблюдателями, — путешественниками и врачами. Въ то время какъ по казачьимъ станицамъ въ Сибири значительная смертность отъ родовъ, по словамъ Усова, явленіе весьма обыкновенное ¹⁾), у инородцевъ, наоборотъ, смертность отъ родовъ незначительна. То, что у насъ составляетъ большую рѣдкость, и о чёмъ всѣ говорятъ, какъ о курьезѣ, тамъ составляетъ обычное явленіе. Напр., чтобы женщина тотчасъ послѣ родовъ сѣла верхомъ на лошадь съ новорожденнымъ и продолжала свой начатый путь,—этого у насъ, вообще у цивилизованныхъ народовъ, почти не слыхать.

У инородческихъ же женщинъ въ Сибири это не рѣдкость. Только что съ вами сидѣла въ юртѣ Киргизка, или въ чумѣ Остячка, или Гилячка, вдругъ ее не стало: она ушла, исчезла, и уже черезъ какихъ-нибудь 15 минутъ вы узнаете, что она подарила свое племя новымъ «вѣнцомъ созданія», съ которымъ она продолжаетъ путь далѣе, какъ ни въ чёмъ не бывало. Такую поразительную легкость, такую по истинѣ завидную и счастливую особенность родового акта некоторые авторы объясняютъ различно.

Такъ Meyerson объясняетъ легкіе роды у Калмычекъ открытымъ и подвижнымъ тазомъ, который получается, во-первыхъ, отъ того, что дѣтей, следовательно и девочекъ, носятъ на спинѣ, при чёмъ ребята обыкновенно растопыриваютъ ноги по обѣ стороны материнской спины; во-вторыхъ, отъ

¹⁾ Статист. описание Сибир. войска. Сост. Усовъ. Спб. 1879 г. Стр. 166.

ранней ъзды верхомъ, и въ-третьихъ, отъ того, что инородцы эти съ дѣтства имѣютъ обыкновеніе сидѣть по-азіатски, съ подобранными ногами, при чемъ тазовыя кости, отъ тяжести тѣла расходятся (Ploss). Д-ръ Колбасенко объясняетъ легкость родовъ у Киргизокъ также тѣмъ, что киргизскія дѣти (и дѣвочки) начинаютъ съ раннаго дѣтства ъзду верхомъ, а верховая ъзда, вѣроятно, измѣняетъ конфигурацію таза, и послѣдній становится особенно выгоднымъ для родового акта ¹⁾). Кромѣ измѣненій конфигурацій и выгодныхъ размѣровъ таза, Колбасенко объясняетъ легкость родовъ у Киргизокъ еще и нѣкоторыми другими условіями: дѣторожденіемъ въ молодомъ возрастѣ (съ 17 до 30 лѣтъ) въ слѣдствіе раннаго замужества, и хорошими гигієническими условіями жизни (главнымъ образомъ постоянными движеніями на воздухѣ и, въ большинствѣ случаевъ, питательной пищей, молокомъ, мясомъ и жирами ²⁾).

Д-ръ Колбасенко, какъ и до него еще Мейерсонъ совершенно правы въ своихъ объясненіяхъ. Тазовые размѣры у Киргизокъ дѣйствительно нѣсколько увеличены, чего ужъ никакъ нельзя объяснить одними общими гигієническими условіями. Но кромѣ благопріятныхъ условій, представляющихъ со стороны таза, со стороны нѣсколько увеличенныхъ размѣровъ костныхъ родовыхъ путей, на легкость и благопріятный исходъ родовъ вліяютъ еще нѣкоторыя физиологическія особенности организма, свойственные не только инородцамъ Сибири, но и всѣмъ вообще не цивилизованнымъ народамъ. На эти особенности организма, какъ на моменты, благопріятствующіе родамъ, указалъ въ томъ же засѣданіи акушерского гинекологического общества въ Киевѣ ³⁾ проф. Рейнъ, который во время преній о причинахъ легкости родовъ у Киргизокъ спрашивалъ замѣтилъ, что «сопротивляемость тканей организма вреднымъ вліяніямъ вообще и дѣйствію микробовъ въ частности бываетъ различно, чѣмъ и объясняются тѣ, почти невѣроятные, случаи благопріятнаго теченія болѣзней и родовъ и исходовъ операций, о которыхъ порой встрѣчаются сообщенія...» Но еще раньше Зеландъ объяснялъ легкость, благополучное теченіе и исходъ родовъ у инородцевъ «замѣчательной жизненностью тканей», которая между прочимъ сказывается при раненіяхъ: «значительныя раны, говорить онъ, даже черепныя, часто протекаютъ у Киргизовъ безъ лихорадки». А еще раньше указывалъ на эти условія Топинаръ. Онъ говорить: «легкость родовъ, не смотря на отсутствіе самаго элементарнаго ухода, наблюдалася у дикихъ наро-

¹⁾ Прот. Зас. Ак.-Гинек. Общ. въ Киевѣ. Семирѣченская Киргизка въ акушерскомъ отношеніи; плодовитость ея и дѣтская смертность. П. С. Колбасенко. Стр. 121. Киевъ. 1891 г.

²⁾ Т. с., стр. 125.

³⁾ Прот. Стр. 45. Киевъ. 1891 г.

довъ, зависить какъ отъ анатомическихъ и физиологическихъ особенностей организма, такъ и отъ степени выносливости боли¹⁾). На высшую жизненность тканей, о которой говоритъ Зеландъ, какъ на моментъ, играющій такую важную роль при томъ или другомъ кризисѣ, переживаемомъ организмомъ нецивилизованныхъ народовъ, указываютъ и другие ученые. Такъ Вейсъ приводитъ много примѣровъ, доказывающихъ, что «цѣлебная сила природы у народовъ нецивилизованныхъ значительнѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ»²⁾). Такимъ образомъ мы видимъ, что при объясненіи легкости родовъ у женщинъ Сибирскихъ инородцевъ должны приниматься во вниманіе не только анатомическія особенности, не только выгодные размѣры таза, но еще и физиологическія особенности всего организма: сопротивляемость и жизненность тканей, выносливость боли и т. д. До чего легко рожаютъ Камчадалки, видно изъ словъ графа F. de Gramont, которая передаетъ Витковскій³⁾). На Камчаткѣ, поѣтствуетъ Gramont, женщина работаетъ себѣ по хозяйству, вы ничего не замѣчаете, и глядь, черезъ 15 минутъ она уже появляется съ новорожденнымъ на рукахъ. При такихъ родахъ присутствовалъ Штеллеръ: женщина удалилась изъ хижины и черезъ четверть часа явилась съ новорожденнымъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Родять же Камчадалки на колѣняхъ въ присутствіи всѣхъ обитателей, безъ различія пола и возраста⁴⁾). Для облегченія ихъ родовъ имъ даютъ какихъ-то насѣкомыхъ и паучковъ⁵⁾.

Часто приходится инородческой женщинѣ разрѣшаться отъ бремени при ужаснѣйшей обстановкѣ, либо одиноко въ тайгѣ, либо на трескучемъ морозѣ, либо прямо на ходу. При такихъ условіяхъ, понятно, иногда гибнутъ и несчастныя матери, и безмолвные младенцы. Женщины васюганскихъ инородцевъ часто разрѣшаются отъ беременности на морозѣ у костра. Несчастная мать должна согрѣвать новорожденного на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющемъ градусовъ 45 мороза⁶⁾). У Гиляковъ, говоритъ Зеландъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ инородцевъ, существуетъ обычай выводить женщину, готовящуюся родить, изъ избы въ отдѣльно-стоящей ша-

¹⁾ Топинаръ, I. с., стр. 358.

²⁾ Теодоръ Вейсъ. Антропология первоб. народовъ. Москва. 1867, стр. 119. Д-ру Зачеку приходилось накладывать щипцы въ хлѣву на навозѣ, вообще приходилось наблюдать и самому испытывать въ своей многолѣтней практикѣ ужаснѣйшую обстановку, между тѣмъ роженицы Финки всегда быстро поправлялись безъ всякой реакціи (личное сообщеніе д-ра Зачека).

³⁾ Witkovski. Histoire des accouchements chez tous les peuples. Стр. 561.

⁴⁾ Witkovski, I. с. стр. 384. Финки также рожаютъ, стоя на колѣняхъ и упираясь руками о какой либо предметъ.

⁵⁾ Witkovski, I. с., стр. 207.

⁶⁾ И. М. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы. Спб. 1891 г., стр. 77.

лашь, гдѣ она живетъ дней 10. Такъ какъ время года при этомъ отнюдь не принимается въ разсчетъ, то мать и новорожденный принуждены проходить эти мытарства даже въ трескучій морозъ и пургу. Единственнымъ средствомъ согрѣванія служитъ горящій въ берестяномъ шалашѣ небольшой костеръ да одежда матери. Бываютъ случаи, присовокупляетъ Зеландъ, что дитя замерзаетъ. То-же самое разсказываетъ о Гилякахъ и Деникеръ¹⁾. А Угрюмовъ въ «Тобольскихъ Губ. Вѣд.», описывая племя Гиляковъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: Племя Гиляковъ быстро вымираетъ, чему способствуетъ вмѣстѣ съ пьянствомъ и сифилисомъ варварскій обычай при дѣторожденіяхъ. Какъ только женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, ей дѣлаютъ наскоро особый сарай, увозятъ туда и тамъ до разрѣшенія оставляютъ рѣшительно одну. Лѣтомъ рожденія совершаются еще благополучно; не то бываетъ зимой, въ палающіе морозы. При зимнихъ родахъ или мать умираетъ, или ребенокъ, а то и оба вмѣстѣ. Тунгузка, рожающая обыкновенно очень легко и уже на второй день послѣ родовъ щѣздащая верхомъ на оленѣ, чувствуя приближеніе родовъ, также удаляется изъ юрты и разрѣшается безъ всякой посторонней помощи въ лѣсу²⁾. Впрочемъ, это относится только къ лѣснымъ Тунгузкамъ; у степныхъ же Тунгузокъ (Тунгузы, раздѣляются на лѣсныхъ и степныхъ) имѣются бабки, какъ равно и у Бурятокъ.

Самоѣдки переносятъ роды молча и терпѣливо, почти безъ болей³⁾. Имъ приходится часто рожать въ пути, во время перекочевокъ и переходовъ съ мѣста на мѣсто. Хотя Самоѣды возятъ съ собою и чумы и разбиваютъ ихъ на каждомъ привалѣ и ночлегѣ, но женщины никогда въ нихъ не рожаютъ. Обыкновенно онѣ выходятъ въ это время изъ чума и зимою рожаютъ на снѣгу, который въ первыя минуты существованія новорожденного служить ему постелью и банею. Дѣти эти, если остаются живы, выростаютъ на томъ-же снѣгу, подъ выюгою и морозомъ⁴⁾, и начинаютъ свою жизнь точно такъ же, какъ полярныя лисицы и песцы. Если-жъ роды не застигаютъ Самоѣдку въ пути, то она отправляется въ особенную, употребляемую только для этой цѣли, маленькую палатку, наз. Самайма или Мадико. Помогаетъ во время родовъ старая женщина.

Если роды трудные, то у Самоѣдовъ, какъ и у Остяковъ, существуетъ оригинальный обычай, исполненіе котораго имѣеть цѣлью облегчить роды.

¹⁾ Ploss II. Стр. 42.

²⁾ Mordwinov, «St.-Petersburg Zeitung». 1851. № 203 и 204. Также D-r G. I. Engelmann

³⁾ Witkovski, 1. с., стр. 559.

⁴⁾ «Тобол. Губ. Вѣд.» 1861 г. № 29.

Обычай этот слѣдующій. Какъ только приближается время родовъ, роженица съ бабкою, — бабка по-остяцки «Тупангъ-агны», — роль которой исполняетъ старуха, удаляется въ отдельную юрту, исключительно для этой цѣли предназначенную и считающуюся не чистой. Юрта эта стоитъ неподалеку отъ чума и строится изъ бересты или изъ оленыхъ шкуръ. Въ этомъ-то шалашѣ происходить роды, даже и зимою при 40° морозѣ. Бабка собираетъ вокругъ этого шалаша всѣхъ осѣдлыхъ остаточкъ, не исключая и дѣвочекъ. Затѣмъ бабка начинаетъ допрашивать роженицу, не нарушила-ли она съ кѣмъ либо супружеской вѣрности и если та сознается въ винѣ своей, то ее спрашиваютъ, съ кѣмъ именно она имѣла связь. Будучи съ малолѣтства увѣрена, что при утайкѣ роды будутъ весьма трудны, жена разсказываетъ всю правду. Палласъ говорить, что «однако отъ этого жены не должны опасаться никакихъ дурныхъ послѣдствій, ибо мужъ принудить только того, на кого указала жена, къ небольшому вознагражденію. Если-же это былъ какой-нибудь ближайшій сродникъ, то роженица умалчиваетъ одно только имя, и мужъ потому знаетъ уже, съ кѣмъ надобно вѣдаться». Послѣ того какъ роженица выдала бабкѣ имя обольстителя, бабка призываетъ и на сторонѣ допрашиваетъ виновника въ преступлѣніи (разумѣется, если онъ въ тѣхъ же юртахъ) и требуетъ, чтобы онъ сознался. Въ случаѣ сознанія виновный долженъ самъ идти къ роженицѣ, или же снять съ себя поясъ и послать его ей. Если роженица невинна, но все-таки не можетъ разрѣшиться, то спрашиваютъ ея мужа, не нарушила-ли онъ супружеской вѣрности; получивши сознаніе, спрашиваютъ соучастницу его преступленія, если она находится тутъ-же. Затѣмъ спрашиваютъ виновниковъ, сколько разъ они согрѣшили. Если они въ этомъ не хотятъ сознаться на словахъ, то дѣлаютъ на поясѣ такое число узловъ, сколько разъ согрѣшили.

Этотъ методъ акушерской помощи, дѣйствительность котораго не испытала еще ни одна акушерская школа (вѣроятно, по причинамъ деликатности), считается у Остяковъ и у Самоѣдовъ необходимымъ при трудныхъ родахъ; они отъ души вѣрятъ, что только та женщина можетъ родить легко, которая сама невинна, и мужъ которой соблюдаетъ супружескую вѣрность. Собираютъ-же всѣхъ Остячекъ къ роженицѣ для того, чтобы, видя страданія послѣдней, женщины опасались нарушенія супружеской вѣрности ¹⁾—

¹⁾ Невѣроятнымъ всѣмъ покажется слѣдующій эпизодъ. Въ Петропавловскѣ въ мое время проживала одна русская семья изъ Москвы. Представитель этой семьи былъ довѣренный отъ одной крупной московской фирмы. Во время родовъ жены его, очень красивой, но обездоленной женщины, къ ней всегда ходила свекровь и допытывалась, съ кѣмъ она имѣеть грѣхъ. «Сознайся, съ кѣмъ грѣшила, легче родишь; кайся во грѣхѣ своемъ». Но практикуется-ли этотъ обычай гдѣ-либо еще въ Великороссіи?

у Алтайцевъ рожденіе дѣтей происходитъ при стеченіи народа, женщины въ юртѣ, а мужчинъ за юртой. Въ случаѣ трудныхъ родовъ, толпа начинаетъ шумѣть, кричать и насвистывать. Мужчины производятъ ружейную пальбу. Роженицу начинаютъ давить по животу, зажимаютъ ей ротъ и носъ, душатъ подушками, все для того, чтобы она, употребляя и напрягая всѣ свои послѣднія силы, скорѣе разрѣшилась отъ бремени ¹⁾). У Калмыковъ Хороутовскаго улуса, по словамъ Павла Небольсина ²⁾), роды происходятъ такъ: Женщина, почувствовавшая, что она готовится сдѣлаться матерью, объявляетъ о своей радости мужу; съ этой минуты супруги не раздѣляютъ ложа вмѣстѣ.

При исходѣ беременности супруги, если они зажиточны, на всякий случай, приглашаютъ къ себѣ бабку и медика — гелюнга.

Въ минуту, когда настаютъ первые потуги, мужъ уѣзжаетъ въ табунъ въ гости, или куда случится, такъ какъ во время родовъ онъ дома не бываетъ.

Если роды очень трудны, то бабка и гелюнгъ призываютъ постороннихъ мужчинъ, соглашающихся подать родильницѣ помошь. Помощь эта заключается въ томъ, что роженицу, сидящую на коврѣ, приглашенные мужчины, обхватываютъ сзади ниже пояса и сжимаютъ ее руками, сколько силъ хватить. У Калмыковъ, говоритъ Небольсинъ, славящихся атлетическимъ сложеніемъ и тѣлесную силу считающихъ за особенный талантъ, ходить повѣрье, что помощь роженицѣ совершенно и навсегда истощаетъ силы мужчины и что Калмыкъ, какой-бы онъ силы ни былъ, теряетъ эту способность на всегда. Вслѣдствіи такого предразсудка, Калмыки съ чрезвычайнымъ уваженіемъ смотрятъ на людей, вызывающихъ помочь женщинѣ при родахъ и почитаютъ ихъ, какъ истинныхъ спасителей человѣческой жизни.

Отнятіе пуповины у младенца совершается особо-приготовленнымъ для этого случая и весьма тщательно-наточеннымъ простымъ калмыцкимъ пояснымъ ножемъ; мать бережеть послѣ этого ножъ въ завѣтномъ своемъ сундукѣ, какъ святыню. Для каждыхъ родовъ приготавливаютъ особый ножикъ.

Ребенка сейчасъ-же обмываютъ теплой водой и обвертываютъ его, лѣтомъ въ холстину, а зимой — въ саксакъ, т. е. въ молодую овчину съ нѣжною и длинною шерстью, кладутъ на лубокъ и, въ ожиданіи появленія у матери молока, даютъ ему кусочекъ полусваренного бараньяго курдюка отрѣзанного въ такомъ видѣ, чтобы ребенку легко было его сосать.

Въ другихъ улусахъ Калмычки рожаютъ, стоя на колѣняхъ, при чёмъ

¹⁾) Radloff. Вербицкій, I. с. стр. 172.

²⁾) Очерки быта Калмыковъ Хороутовскаго улуса, составлены Павломъ Небольсинъ Спб. 1852 г., стр. 84.

попитуха энергично поглаживаетъ животъ сверху внизъ. Если-жъ роды трудны, то мужъ разстилаетъ вокругъ юрты сѣть, бѣгаеть кругомъ и хлещетъ на гайкой по воздуху направо и налево, воображая, что лупить злого духа, которого гонить крикомъ: гар тъ чаткыръ! (вонъ, дьяволъ!). У зажиточныхъ Калмыковъ приглашаются всѣ живущія вблизи духовныя лица, которая уже однимъ своимъ присутствиемъ отгоняютъ нечистую силу. А то еще поступаютъ такъ, какъ это описано у Небольсина, т. е. здоровый мужчина береть роженицу къ себѣ на колѣни и сдавливаетъ ей животъ¹⁾.

У Сартянокъ, отличающихся особенной плодовитостью (отъ одной жены Сарты имѣютъ иногда по 15 человѣкъ живыхъ дѣтей, такъ что у тѣхъ, которые женаты на нѣсколькихъ женахъ, образуется огромное семейство, состоящее иногда изъ 30 душъ), младенцевъ принимаютъ бабки (мама).

В. Наливкинъ говоритъ, что у Сартянокъ случаи смерти во время родовъ не рѣдкость; причину этого онъ видитъ не въ природной узкости таза, который напротивъ какъ у полныхъ, такъ равно и сухощавыхъ субъектовъ—широкій, а въ неудовлетворительныхъ гигіеническихъ условіяхъ, какъ беременной, такъ и роженицы. Думаетъ онъ это потому что, во первыхъ, очень не рѣдки случаи, когда смерть наступаетъ не во время родовъ, а вслѣдъ за ихъ окончаніемъ, и во вторыхъ, о случаяхъ этого рода приходится слышать главнымъ образомъ, зимою. (В. Наливкинъ и М. Наливкина. Очеркъ быта женщины туземнаго населенія Ферганы. Казань, 1886., стр. 89).

По обычаю, въ первое время младенца скрываютъ отъ родильницы для того, чтобы не взволновать чувства матери, въ особенности, если родится сынъ. Бабка, обманувъ родильницу, что родилась дочь, идетъ къ отцу съ поздравленіемъ и получаетъ подарки. Давъ укрѣпиться здоровью матери, къ ней приносятъ младенца. Отецъ читаетъ молитву и даетъ имя, и затѣмъ уже мать свободно отдается своей радости. Узнавъ о рожденіи младенца—мальчика, соѣди спѣшатъ съ поздравленьями, богатые даже съ музыкой и пляской²⁾.

Разрѣшившись первымъ ребенкомъ, Сартянка изъ пяти косъ (бишъ-ка-куль) заплетаетъ уже только двѣ (джуонъ)³⁾.

Въ Туркестанѣ туземная женщина родить всегда или у себя дома, или у своей матери, къ которой она переселяется въ этомъ случаѣ заблаговременно. При родахъ присутствуютъ мать, старшія замужнія сестры или другія

¹⁾ Говорятъ, что у Калмыковъ при трудныхъ родахъ женщинъ дѣлали ужъ давно поворотъ, а что у Сангаровъ врачи (Емчи) дѣлали эмбріотомію (Krebel).

²⁾ Сборникъ статей, касающихся Туркестанскаго края: А. П. Хорошхинъ СПБ. 1876 стр. 119.

³⁾ А. П. Хорошхинъ 1. с. В. Наливкинъ. 1. с. стр. 170.

какъ ея, такъ и мужини родственницы; мужъ, по желанію, можетъ присутствовать при родахъ, но дѣти, въ особенности подростки, всегда удаляются изъ дома на время родовъ. Повитухи, этимъ специально занимающіяся, имѣются по большей части только въ городахъ. Родять сартянки всегда или стоя на колѣняхъ, или сидя на корточкахъ; такое положеніе роженицы предпочтается всѣмъ другимъ, такъ какъ, по мнѣнію туземныхъ женщинъ, оно способствуетъ наиболѣе быстрому окончанію родовъ. (Есть примѣта, что у женщинъ дурнаго, тяжелаго характера роды всегда бываютъ относительно трудные).

Во все время потугъ родильница держится за одну изъ присутствующихъ руками и въ тоже время спиной упирается въ грудь другой изъ находящихся при ней женщинъ; послѣдняя обнимаетъ родильницу обѣими руками выше живота и прижимаетъ ее къ себѣ каждый разъ, какъ только замѣтить начало потугъ. Если роды затягиваются, то обыкновенно перемѣняютъ нѣсколько повитухъ, при чёмъ кромѣ того прибѣгаютъ еще и къ другимъ средствамъ болѣе или менѣе кабалистического характера. Такъ напр. въ той-же комнатѣ, гдѣ происходятъ роды, сжигаютъ кусочекъ конскаго копыта или даютъ роженицѣ пить изъ чашки, на внутреннихъ стѣнкахъ которой тушью пишется какая нибудь молитва.

Появившагося на свѣтъ ребенка береть, моетъ и обертываетъ въ мягкія старыя и далеко не всегда чистыя тряпки или повитуха, или одна изъ присутствующихъ родственницъ родильницы.

Пуповина перерѣзывается или ножницами или бритвой; перевязывается (ниткой) только тотъ ея конецъ, который остается при ребенкѣ; послѣдній конецъ не перевязывается, но за то всегда почти привязывается къ ногѣ родильницы, изъ опасенія, чтобы онъ не ушелъ назадъ. Въ случаѣ слишкомъ долгаго задержанія послѣда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, есть обычай стрѣлять около той комнаты, въ которой лежитъ роженица. Всльдъ за рожденіемъ ребенка религія предписываетъ прочесть надъ нимъ нѣкоторая молитвы, но правило это не вездѣ или, вѣрнѣе, не всѣми соблюдается. По окончаніи родовъ, всльдъ за выходомъ послѣда, родильница обмывается и всегда сама, такъ какъ религія воспрещаетъ видѣть чужой арѣтъ, и тогда только, омывшись уже, ложится въ постель; около нея-же, съ правой ея стороны, кладутъ и новорожденнаго. Лежитъ роженица обыкновенно 6—7 дней, рѣже она ограничивается трехдневнымъ срокомъ. Въ это-же время пища родильницы состоитъ по преимуществу изъ разнаго рода болтушекъ безъ мяса, по возможности съ катыкомъ (холодная пища), а ухаживаетъ за ней одна изъ ближайшихъ родственницъ. Не только въ первые дни родовъ, но и въ течениі цѣлыхъ шести недѣль родильницу стараются отнюдь не оставлять одну

изъ боязни, чтобы надъ ней и надъ ребенкомъ не учинила какого либо зла нечистая сила, желтоволосая а д ж и н а. Не рѣдко случается, что, не желая огорчать отца извѣстіемъ о рождениіи дочери, ему сообщаютъ сначала, что родился сынъ и потомъ уже, черезъ два три дня, постепенно подготовивъ, со-вѣтуютъ помириться на дочери. Разъ въ Наманганѣ былъ такой курьезный случай. У одного состоятельного человѣка родился ребенокъ. Присутствовавшія при родахъ женщины, не желая огорчить отца, объявили ему, что родился сынъ. Этотъ воображаемый сынъ долженъ-быть быть первымъ, такъ какъ старшимъ ребенкомъ была дочь. По всѣмъ знакомымъ полетѣли гонцы съ радостнымъ извѣстіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на другой день на торжество. По частнымъ слухамъ извѣстно было, что кромѣ пал ау и другихъ угощеній, гостямъ будутъ раздаваться и халаты. Собравшіеся на другой день на наружномъ дворѣ гости мужчины застали очень скромное угощеніе и очень огорченного хозяина отца, объявшаго имъ, что произошла ошибка, что вместо сына, какъ его увѣрили, у него родилась дочь, а потому никакихъ особыхъ торжествъ не будетъ. Вместѣ съ тѣмъ въ тотъ-же день было решено, что надо взять вторую жену, которая родила-бы сына.

По благополучномъ окончаніи родовъ кто либо изъ родственниковъ или родственницъ родильницы идетъ по родственникамъ-же и наиболѣе близкимъ знакомымъ съ с у и н ч Ѵ (радостной вѣстью) о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени, за что отъ каждого изъ поздравляемыхъ получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ. На другой-же день послѣ родовъ приходятъ родные и знакомые поздравить съ новорожденнымъ родильницу и ее мужа. Иногда посѣщенія эти продолжаются въ теченіи нѣсколькихъ дней. Каждая приходящая женщина приноситъ пал ау, лепешки или пирожки. Всѣ эти гости приходятъ по большей части цѣлыми компаниями, и всегда почти съ дѣтьми, шумятъ и тараторятъ, при чемъ никогда не имѣется въ виду того, что все это не только можетъ утомить больную, но даже быть ей и прямо-таки вреднымъ.

Рожденіе дочери празднуется гораздо скромнѣе. Самое большое, что рѣжется баранъ и на пал ау приглашается нѣсколько родственниковъ, родственницъ и знакомыхъ. Иногда угощеніе это дѣлается не на дому, а на ближайшемъ маз арѣ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ нерѣдко издержки по такому угощенію береть на себя не отецъ, а одинъ изъ его младшихъ братьевъ, съ которымъ онъ наиболѣе друженъ.

У Башкировъ помогаютъ роженицѣ старыя повитухи, которыхъ башкирки, какъ и наши простолюдинки, предпочитаютъ врачамъ. Къ врачу баш-

киры врядъ ли обратятся. Въ Петропавловскѣ умерла дочь башкира отъ родовъ. Не смотря на всѣ настоятельныя требованія родственниковъ татаръ, пригласить врача, башкиръ отказалъ на отрѣзъ. Ploss приводитъ по этому поводу слова одного французскаго автора: «Une femme enceinte prѣfere mourir en couches plutѣt que de recourir 脿 un mѣdecin, lors-mѣme que celui-ci lui donnerait gratuitement ses soins».

У Киргизовъ роды (по киргизски: туганъ дарь, или правильнѣе туганъ-ларь, туганъ значить родила, а ларь, лерь приставка для обозначенія множественнаго числа) обыкновенно происходятъ такъ: женщина принимаетъ такое же положеніе, какъ калмычка, т. е. на колѣняхъ съ наклоненнымъ туловищемъ впередъ. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мнѣ приходилось присутствовать при родахъ, роженица садилась на корточкахъ въ громадный мѣдный тазъ, въ которомъ помѣщалось немного теплой воды. Руками роженица держится либо за повитуху,—по киргизски: «кэмпиръ» также: «кучинамъ»—и другихъ присутствующихъ женщинъ, либо за какой-нибудь неподвижный предметъ, большую частью за протянутую черезъ юрту веревку.

Въ классическомъ сочиненіи Радлова (Proben der Volkslitteratur der n rdlichen T rkischen St mme)¹⁾ въ описаніи родовъ у княжеской дочери Каникэи поется: Проходили дни за днями, у княжны, у Каникэи ужъ беременность достигала десять лунныхъ мѣсяцевъ, мѣдный шесть съ златою вилой водрузивши, Каникэи начала рожать въ боляхъ.

Этотъ мѣдный шесть съ златою вилой (переведено мою со словъ: stellt den Kupfer-Pfahl mit gold'ner Gabel) есть подобіе тѣхъ желѣзныхъ вилообразно развѣтвляющихся и серебромъ отдѣленныхъ шестовъ, которые употребляются у богатыхъ киргизовъ какъ вѣшалки. При этомъ Радловъ въ примѣчаніи поясняетъ, что по обычаю киргизовъ, женщины рожаютъ, стоя на колѣняхъ и держась поднятыми руками за поперечную жердь. Судя же по вышеприведеннымъ словамъ княжна Каникэи, какъ вѣроятно и другія киргизки въ старину, рожала, держась за металлическій шестъ, воткнутый нижнимъ концомъ въ землю, а вилообразной верхушкой подпиравшій кошомъный сводъ юрты.

При трудныхъ родахъ киргизки большей частью рожаютъ, стоя, при-

¹⁾ У Айсаровъ на Кавказѣ роженица тоже хватается за веревку, привязанную къ полуку. (Сборникъ Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 4, Тифлисъ 1884, стр. 318 и дальше).

²⁾ Proben der Volkslitteratur der n rdlichen T rkischen St mme. W. Radloff. V Theil. S.-Petersburg. 1885 s. 100.

чемъ повитуха уговариваетъ роженицу, грозить, кричать на нее, руководить всѣмъ ходомъ родовъ. А присутствующіе или сидятъ кругомъ, подобравши подъ себя ноги, вздыхаютъ и восклицаютъ: Алла!—или же шумятъ и суетятся: кто готовить теплую воду для младенца, кто выбѣгаеть изъ юрты и что-то кричитъ толпѣ; изъ толпы выдѣляется сильный джигитъ, снимаетъ съ себя верхній бишметъ и становится близъ юрты въ какомъ-то ожиданіи. Кэмпиръ, повитуха, еще разъ тщательно моетъ свои руки и вводить пальцы въ родовой каналъ; она, повидимому, убѣждается, что роды трудные,—это видно по ея лицу, по качанію головой, это понятно изъ звучныхъ щелчковъ языкомъ, выражаютихъ недоумѣніе и ужасъ. Кэмпиръ что-то долго шаритъ пальцами. Мужчины за юртой въ беспокойствѣ. Постеливші на землю бишметы или коврики, они становятся на колѣни и начинаютъ молиться. Мужъ, богатый киргизъ, дарить одному бѣдняку барана, другому худую лошадь. Бѣдняки эти начинаютъ громче всѣхъ молиться.

Одна киргизка погружаетъ въ воду тумаръ (амuletъ) и даетъ роженицѣ испить этой воды (въ Малороссіи баба снимаетъ икону, обмываетъ ее и этой воды даетъ пить больной)¹⁾. Затѣмъ повитуха занимаетъ мѣсто позади роженицы, упирается въ ея поясницу колѣномъ, а самое ее обхватываетъ руками и начинаетъ надавливать животъ сверху внизъ, уговаривая роженицу имѣть терпѣніе, не бояться, не кричать: «тимэ, джалашай»—молчи, не плачь! Но вотъ повитуха устаетъ. Она, сидя позади больной, киваетъ глазомъ одной киргизкѣ; эта незамѣтно выходитъ изъ юрты и тихонько что-то шепчетъ толпѣ. Раньше приведенный и приготовившійся высокій, здоровый и черно-смуглый киргизъ съ шумомъ врывается въ юрту, толпа мгновенно поднимаетъ неистовый крикъ, роженица вскрикиваетъ и рожаетъ,—до того сильно на нее вліяетъ внезапный гвалтъ, а главное, появленіе смуглаго, страшнаго мужчины въ то время, когда она голая сидѣтъ надъ мѣднымъ тазомъ. Стоны роженицы: Уай Алла, Уой Алла! крики и возгласы женщинъ, галденіе всей толпы; джигиты кудато помчались верхомъ, какъ стрѣлы изъ лука,—вѣроятно, распространить новость по всѣмъ ауламъ,—все это производитъ на непривычнаго сильное впечатлѣніе. Меня же, даргыра, бывшаго нѣмымъ свидѣтелемъ родового акта, допустили бы къ активной роли, какъ мнѣ объяснили потомъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Часто же при трудныхъ родахъ поступаютъ, какъ разсказывали мнѣ и какъ описываютъ, приблизительно такъ: протягиваютъ черезъ юрту веревку

¹⁾ Труды этнogr. стат. экспед. въ западно-русскій край. Юго-запад. отд. Мат., собр. П. П. Чубинскимъ. Т. IV, Спб. 1877.

и велять роженицъ держаться за нее руками; затѣмъ ее подхватываютъ подъ мышки и приподнимаютъ ее за веревку подъ самый тюплюкъ (верхнєе круглое отверстіе въ юртѣ). Буде это окажетъ слабое дѣйствіе, то роженицу обхватываетъ сильный киргизъ и давить ей животъ; этого киргиза обхватываетъ другой, другого третій и т. д., и другъ друга они тянутъ со всей силы. А несчастная роженица, болтаясь въ воздухѣ, употребляетъ послѣднія силы, чтобы удержаться руками за веревку. Приходящіе въ юрту должны ударить роженицу полою платья трижды съ крикомъ: джур! (выходи!) разумѣя нечистую силу, поселившуюся въ роженицѣ и задерживающую младенца въ утробѣ. Съ цѣлью воздѣйствовать на шайтана, начинаютъ кричать, колотить и хлопать по юртѣ, а иногда и по роженицѣ, хотя на нее только замахиваются сильно, чтобъ испугать, а бываютъ легонько. Поселеніе въ женщинахъ шайтана ставится вѣдь всякаго сомнѣнія, когда у роженицы дѣлается пріпадокъ эклямпсіи. Тогда зовутъ баксу, который начинаетъ наигрывать на кобзѣ пріятныя для киргизовъ мелодіи, коими онъ думаетъ выманить плодъ изъ утробы на свѣтъ Божій. Когда плодъ обнаруживаетъ отсутствіе музыкального вкуса и все-таки не выходитъ, то приглашаютъ еще другого баксу. Оба они становятся на колѣни близъ разведенаго среди юрты огня, около котораго помѣщаются и больная и, покачивая головами вправо и влѣво, начинаютъ тихоночко побренѣкивать на кобзахъ, время отъ времени потряхивая ими, при чемъ разные металлические привѣски на ней дребезжать и позваниваютъ. Затѣмъ они начинаютъ дрожащимъ голосомъ и въ носъ пѣть — импровизировать. Поютъ они обо всемъ: и о больной, и о кашгырѣ (волкѣ) и обѣаю (медвѣдѣ) и о куль (озеро), и о степи съ березовыми рощами, и о высокихъ горахъ съ вершинами въ туманѣ, и о беркутѣ подъ облаками... Баксы поютъ, и поютъ все тише да тише, наконецъ затихаютъ, но только на мгновеніе. Вдругъ они вскакиваютъ съ сверкающими глазами, съ искаженными лицами, мечутся, кружатся вокругъ больной и юрты, приходить въ настоящее изступленіе, кувыркаются, падаютъ, подпрыгиваютъ, хватаютъ и рвутъ зубами все, попадающееся имъ подъ руки, бросаются другъ на друга, грызутся, кусаются, кидаютъ другъ на друга головы, пока наконецъ болѣе слабый изъ нихъ въ изнеможеніи падаетъ, послѣ чего вся эта странная церемонія кончается.

Иногда же стремятся запугать шайтана беркутомъ или совой, которыхъ-де боится шайтанъ. Если и это не помогаетъ, то роженицу сажаютъ на коня, ее держитъ сидящій на томъ же конѣ крѣпкій киргизъ, и они мчатся по степи въ карьеръ. И здѣсь-то случается большей частью, что на конѣ дѣйствительно прекращаются всѣ страданія роженицы — вмѣстѣ съ ея жизнью!

Къ счастью этого степнаго народа, на сотни верстъ разсыпанаго отъ города и отъ единственнаго на весь громадный уѣздъ уѣзда врача, который при огромномъ жалованьи отъ казны (1800 р. кромъ пятилѣтнихъ прибавокъ и проч.) оставляетъ свою городскую практику и выѣзжаетъ въ уѣздъ только для вскрытия мертвыхъ, къ счастью, говорю я, этого народа, далекаго и отъ единственной на весь уѣздъ повивальной бабки, трудные роды случаются у нихъ крайне рѣдко! Минь, за мою бытность въ степи, не приходилось слышать, чтобы какая нибудь киргизка умерла отъ родовъ. По словамъ Колбасенка, полусуточная продолжительность родовъ есть нормальная продолжительность родового акта у Киргизокъ. Легкихъ родовъ (менѣе сутокъ) онъ вычислилъ 70.5%, а трудныхъ (болѣе сутокъ) 17.5%. Если бъ не легкіе роды, сколько было бы у нихъ смертныхъ случаевъ отъ встряхиваній, давленій и бѣшеной скачки верхомъ!

Тотчасъ послѣ появленія младенца на свѣтъ, бабушки управляются съ пуповиной. У Калмыковъ бабка перевязываетъ пуповину сурою ниткой и перерѣзаетъ ее на дощечкѣ ножомъ, который остается ея собственностью. Оставшаяся потомъ пуповина сохраняется матерями. У Киргизовъ, какъ только рождается младенецъ, поступаютъ двояко: или ждутъ сначала выхода послѣда и потомъ перевязываютъ пуповину, или же перевязываютъ и перерѣзаютъ раньше пуповину, потомъ ждутъ послѣда. Перевязку дѣлаютъ сурою ниткой близко къ животу младенца, а перерѣзываютъ пуповину ножомъ или ножницами. Въ Семирѣченской области пуповину помѣщаются въ тѣсто, приготовленное изъ скобленнаго мыла, смѣшаннаго съ мелко изрубленными бараньими железами, пуповина отъ этого отпадаетъ на 3-й день. Язву, по отпаденію пуповины, присыпаютъ золой отъ сожженаго войлока. Если място (по киргизски: «джумдасть») замедляетъ выходомъ, то бабушка вынимаетъ или выжимаетъ его рукой, вводя послѣднюю, въ случаѣ надобности, въ матку (по киргизски «джатыръ»). Объ описанныхъ у Ploss'a¹⁾ приемахъ удаления послѣда, которые практикуются будто бы у Семипалатинскихъ Киргизовъ, я не слыхалъ. Пріемъ этотъ основанъ на суевѣріи, будто бы послѣдъ задерживается въ утробѣ нечистой силой. Приглашается «бакса», который продѣливаетъ разные hocus-pocus'ы, оплеушить роженицу, тычеть ей въ ротъ раскаленное желѣзо, за что она должна благодарить словами: «таиръ-дже́лгасенъ кокулдукъ» и т. д. Удаляютъ послѣдъ еще и такъ: роженица садится на корточки, а повитуха помѣщается сзади, упирается колѣномъ въ крестецъ роженицы, а руками выжимаетъ послѣдъ сверху внизъ

¹⁾ II, стр. 229.

(Колбасенко). Въ Петропавловскѣ я наблюдалъ, что киргизскія и татарскія (да и русскія женщины) для изгнанія послѣда привязываютъ къ половымъ органамъ вѣникъ, пьютъ порохъ и пр. Съ вышедшими послѣдомъ поступаютъ инородцы различно. Большею частью всѣ они закапываютъ его въ землю тутъ же въ юртѣ или кибиткѣ (Калмыки, Киргизы и друг.). У Якутовъ же по Gmelin'у¹⁾ существовалъ отвратительный обычай — тотчасъ послѣ родовъ сварить послѣдъ и съѣсть его въ кругу друзей. С. Hickisch²⁾ говоритъ по этому поводу: Georgi berichtet über einen seltsamen, in höchsten Grade ekelhaften Gebrauch bei den Tungusen, nämlich die Placenta entblödeter Wöchnerin, zu essen.

Этотъ обычай поѣдать послѣдъ существуетъ якобы еще и у Ительменовъ. Middendorf же этого обычая не нашелъ нигдѣ; можетъ быть, потому, полагаетъ Hickisch, что этотъ обычай скрываютъ.

Послѣродовыя кровотеченія останавливаютъ въ Семирѣченской области у Киргизовъ слѣдующимъ образомъ: кусокъ чистой кошмы (войлока) смазываютъ обильно жиромъ и нагреваютъ сильно надъ огнемъ; родильницу сажаютъ на нагрѣтую кошму такъ, чтобы наружныя половыя части подвергались влиянию сильного жара. Внутрь при этомъ даютъ пить растопленный горячій жиръ. Высокая температура дѣйствуетъ, вѣроятно, рефлекторно на сокращеніе матки (Колбасенко).

Послѣ родовъ женщина считается у всѣхъ инородцевъ нечистой в продолженіи большаго или меньшаго времени. У Остяковъ, Самоѣдовъ время это опредѣлено пятью недѣлями. Объ остяцкихъ женщинахъ мы по этому поводу читаемъ между прочимъ у Sotmier слѣдующее: «in certe epoche vengano allontanata dalla capanna perch si considerano come impure, e dopo i parti devono stare separate dalla famiglie per un tempo determinato».

Но это правило, продолжаетъ онъ, мы встрѣчаемъ и въ законѣ Моисея, гдѣ сказано: «если женщина родитъ мальчика, она нечиста въ теченіи 7 дней, послѣ нихъ же очищается въ продолженіи 33 дней; если родить девочку, она нечиста двѣ недѣли и затѣмъ очищается въ теченіи 66 дней». И дальше сказано: во время выдѣленій женщина не чиста, и если она соединится съ мужемъ, то оба повинны понести смертное наказаніе³⁾. У Мусульманъ также, по шариату, женщина, одержимая «срочнымъ кровотеченіемъ» считается не чистой, больной. «Это у нихъ, гласитъ ст. 222 глав. 2, время

¹⁾ Vitkovski, I. c., стр. 560.

²⁾ C. Hickisch. Die Tungusen. St. Petersburg. 1879, стр. 84.

³⁾ Лев. гл. XII.

недуга, а потому удаляйтесь отъ жень во время кровотечения, и не сближайтесь съ ними, покуда онъ не будутъ чисты. И когда онъ очистятся, входите къ нимъ такъ, какъ повелѣлъ вамъ Богъ».

У Кореляковъ, Тунгузовъ и Вогуловъ родильница считается нечистой также до 6 недѣль. Въ это время родильница остается изолированной отъ всѣхъ, за исключениемъ одной старой бабки. У Калмыковъ родильница считается нечистой до 3 недѣль. У Калмыковъ Хошоутовскаго улуса родильница, какъ только пуповина отпадетъ, а у ней появится первое молоко, являемътъ мужу и подносить ему изъ своихъ рукъ, чашку арзы: обычай этотъ называется «юсунъ-арза»; первое молоко, «уурукъ», сначала обыкновенно нѣсколько спустившееся, мать тутъ же даетъ ребенку. Ребенокъ, какъ замѣ чаютъ Калмыки, съ жадностью принимаетъ эту питательную пищу, и эта примѣта послужила къ тому, что известная брань, въ которой говорится объ материнскомъ молокѣ, считается у Калмыковъ самымъ обиднымъ ругательствомъ. Нѣть обиднѣе браны для Калмыка, какъ сказать ему: уурукъ-танъ-злѣ цадыксынъ ель-мыръ», т. е. ты жаденъ, не насытился даже грудью матери ¹⁾.

У Киргизовъ родильница признается чистой уже спустя 3—4 дня послѣ родовъ и можетъ готовить и подавать пищу своему мужу. Вступить же въ супружескія сношенія она, по шариату, можетъ только по прошествіи 40 дней послѣ родовъ, иначе говоря, послѣ первой менструациіи.

Какъ Киргизки, такъ и Калмычки встаютъ обыкновенно на 3-й денѣ. Случается, что онъ уже на третій день скачутъ верхомъ.

Тотчасъ послѣ родовъ Коряки даютъ родильницѣ немного оленины и оленевой крови изъ оленя, заколотаго въ пологѣ, гдѣ спать, и принесенного въ жертву мужемъ во время родовъ съ цѣлью умилостивить злыхъ духовъ земли, чтобы поберегли новорожденнаго,—«жизнь за жизнь». А у Киргизовъ родильницѣ вскорѣ послѣ родовъ даютъ выпить немного горячаго масла или сала, затѣмъ колютъ въ первый же день барана, котораго варятъ, но, конечно, не для нея одной.

Кромѣ этого ей не даютъ ничего, такъ какъ у обыкновенныхъ Киргизовъ кромѣ тамака, состоящаго изъ мяса «итъ» и супа «сарпа», рѣдко водится другое кушанье. У Татаръ родильница получаетъ чай изъ ромашки.

Очищаются женщины инородцевъ также различно. Остяцкая женщина разводить огонь и бросаетъ въ него древесную губку, или бобровую струю,

¹⁾ Очерки быта Калмыковъ Хошоутовскаго улуса, составленные Павломъ Небольсинъ. Спб. 1852, стр. 85.

или же, за неимѣниемъ оной, кусочекъ бобровой шкѣрки, трижды перескакиваетъ черезъ огонь, окуривается и возвращается къ мужу.

Кромѣ того, отецъ или мать новорожденного дарятъ послѣ родовъ бабку (по-остяцки: тупангъ-анги, т. е. пупная мать); бѣдные дарятъ ее—песчомъ, богатые—лисицей, даютъ ей кусочекъ мыла, ножикъ, которымъ она рѣзала пуповину, и платокъ.

Младенецъ считается нечистымъ впродолженіи десяти дней.

Татарки послѣ родовъ тотчасъ идутъ въ баню (въ каждомъ почти дворѣ своя баня), гдѣ ихъ бабушки моютъ и правятъ.

У Киргизовъ же бань нѣтъ, за весьма рѣдкими исключеніями, и потому они ограничиваются тѣмъ, что бабушки подмываютъ родильницу, ежедневно въ теченіи трехъ дней. Какъ у Татаръ, такъ и у Киргизовъ, родильницѣ бинтуютъ животъ бинтами или полотенцами. Подъ голову родильницѣ кладутъ Коранъ, на стѣнахъ развѣшиваютъ краткія молитвы, иногда въ рамкахъ¹). Иной разъ вы видите въ такой рамкѣ одну только громадную дугообразную черную линію съ крупной точкой на золотистомъ фонѣ; но линія эта, если ближе всмотрѣться, состоитъ изъ мельчайшихъ буквъ, составляющихъ молитву.

Какъ инородцы встрѣчаютъ новаго гражданина или гражданку, какими заботами они окружаютъ ихъ, какъ совершаютъ нареченіе имъ именъ и т. д.—объ этомъ, если позволите, я сдѣлаю сообщеніе въ слѣдующій разъ.

Докторъ А. К. Бѣлиловскій.

¹) Евреи оберегаютъ роженицу и новорожденного отъ нечистой силы молитвами, написанными на бумагахъ, которая развѣшиваются по стѣнамъ и на которыхъ вместо заголовка имѣется шестиконечная звѣзда. У Айсаровъ на Кавказѣ ограждаются родильницы и новорожденные крестообразными линіями, которые проводятся кинжалами. Кинжалы эти вмѣстѣ съ Евангелиемъ лежатъ до 7 дней подъ подушкой родильницы. (Сборникъ мат. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 4-й. Тифлісъ 1884 г., стр. 317.)